

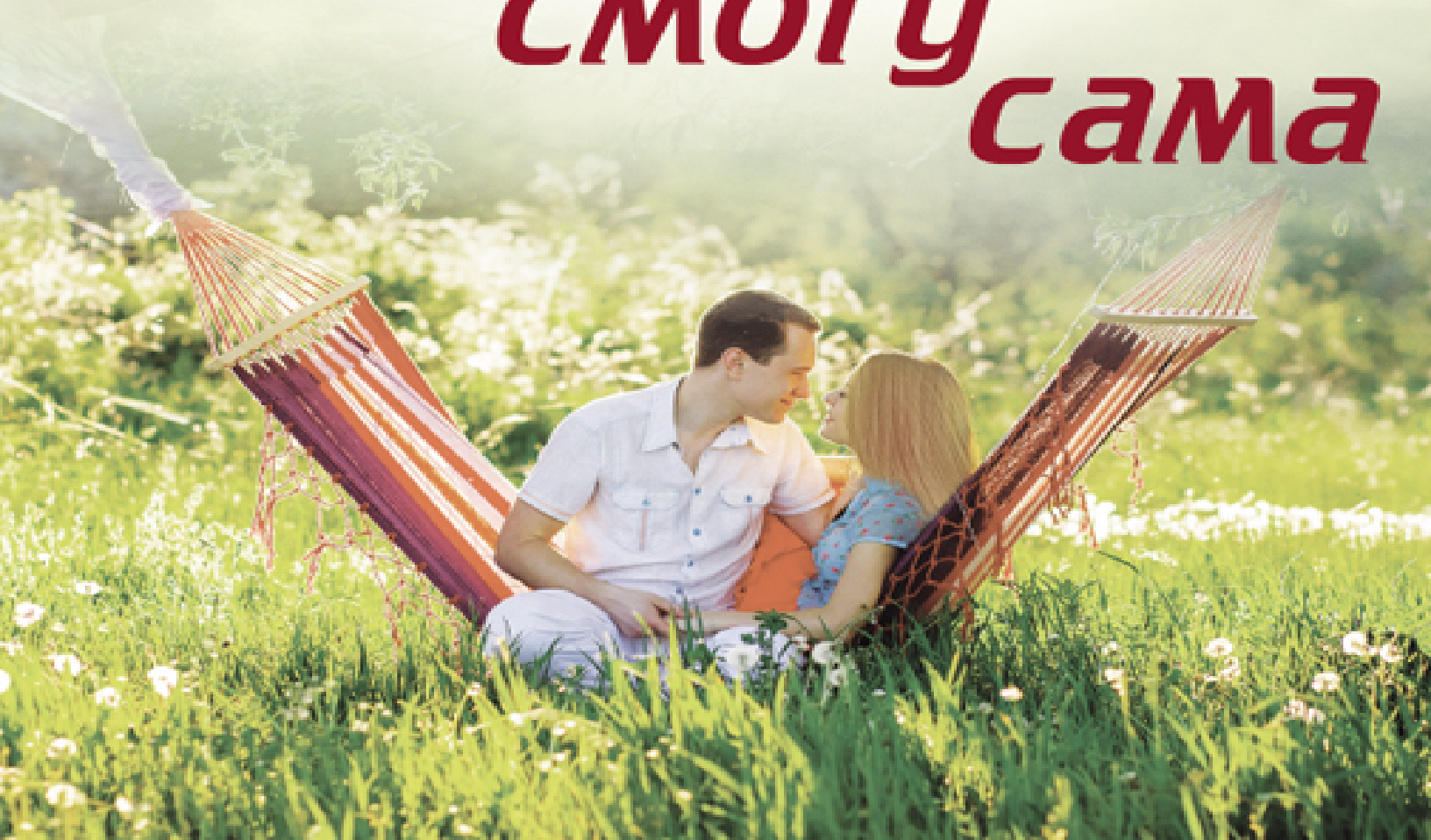
Я все смогу сама

Вале «немного за 30», она успешная бизнес-леди и мать двух дочерей. Женщина, которая добилась всего сама, и уверена, что все может сама. Неожиданно в ее жизни появляются сразу трое мужчин: одноклассник Саша, который все еще безумно влюблен в Валю, бывший муж Игорь, неожиданно вернувшийся спустя 5 лет, и бравый Михаил, умеющий спасать людей. Валя пытается уберечь дочерей от ошибок, но сама разрывается между прошлым и настоящим. Наступает момент, когда она понимает, что бессильна изменить ситуацию. Найдется ли «сильное мужское плечо», тот, кто позволит ей побыть слабой и любимой?..

Марина Раевская

**Я все
смогу
сама**

Марина Раевская

Я все смогу сама

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

© Лесовикова Е., 2019

© DepositPhotos.com / Goodluz; HannaNes, обложка, 2020

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-7510-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Валі «трохи за 40», вона успішна бізнес-леді і мати двох дочок. Жінка, яка все здобула сама і впевнена, що все зможе сама. Несподівано в її житті з'являються одразу троє чоловіків: однокласник Сашко, який досі закоханий у Валю, колишній чоловік Ігор, що повернувся через п'ять років, і бравий Михайло, що вміє рятувати людей. Валя розривається між минулим і сьогоднішнім. Настає мить, коли вона розуміє, що не має сил розв'язати важку життєву ситуацію. Чи знайдеться «сильне чоловіче плече», той, хто дозволить їй побути слабкою і коханою?

Раевская М.

Р16 Я все смогу сама : роман / Марина Раевская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 288 с.

ISBN 978-617-12-7118-0

Вале «немного за 40», она успешная бизнес-леди и мать двух дочерей. Женщина, которая добилась всего сама и уверена, что все может сама. Неожиданно в ее жизни появляются сразу трое мужчин: одноклассник Саша, который все еще влюблен в Валю, бывший муж Игорь, вернувшийся пять лет спустя, и бравый Михаил, умеющий спасать людей. Валя разрывается между прошлым и настоящим. Наступает момент, когда она понимает, что бессильна разрешить тяжелую жизненную ситуацию. Найдется ли «сильное мужское плечо», тот, кто позволит ей побыть слабой и любимой?..

УДК 821.161.1(477)

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

Пролог

— ...Лучше бы в Турцию полетели! — Дама в огромной пляжной шляпе с трудом выбралась из машины. Очевидно, всю дорогу от поезда до отеля она развивала эту «разумную мысль».

Ее муж молчал. Он, похоже, давно привык к тому, что все делает неправильно и, если бы не мудрость жены, закончил бы свои дни в какой-нибудь канаве. Хотя, если после первого взгляда бросить на эту пару взгляд второй, станет ясно, что деньги-то зарабатывает муж, а жена способна только тратить — более или менее успешно.

— Я же тебе сто раз повторял — меня Турция достала! Хочу в горы!..

— Ну, в Чехию... Помнишь, как мы катались в позапрошлом году?

— Это когда ты сломала лыжи и полдня перлась вниз с горы, хотя я тебя ждал у подъемника?

Дама замолчала. Тогда и отпуск был убит, и муж еще долго вспоминал ей завтраки с белым мартини на сумму под тысячу евро каждый.

Наконец вяло переругивающаяся пара вошла в прохладный холл. Да, «Вилла “Валентина”» мало походила на турецкие или египетские «пять звезд»... Здесь все было так мило, так уютно, так непарадно... Хотя полы были натерты до блеска, старинная деревянная конторка прятала отличный компьютер со всей полагающейся «начинкой», кондиционеры работали бесшумно, а улыбки на лицах сотрудников были мягкими и приветливыми.

«Не зря мне Виктор Ковтун так эту «Виллу» расписывал. Не зря он свою Катерину именно сюда повез в свадебное путешествие. Правда, Витькина Катя и моя Элеонора... Да, их и сравнивать глупо. Ну да бог с ним. Главное, что отель именно такой, как мне хочется. И спа-центр рядом, вон его крыша из окна видна. Отлично!»

Тот же Виктор, к слову, познакомил его с людьми, которые жили здесь, в уютном Камышинске, когда тот был не туристическим центром, а заштатным военным городишком с пятью улицами, одним

детсадом, одной школой и номерным предприятием, большей частью спрятанным в недрах горы.

Камышинску повезло — когда предприятие перестало быть секретным и вообще нужным, уже было известно, что в недрах немало чрезвычайно полезных залежей. И что вообще весь район для геологов и геофизиков представляет интерес не меньший, чем для господ в форме. А то и больший. Ученые сменили военных, городок стал разрастаться. Появился сначала институт с единственной специальностью — «геология», конечно. А потом «геофизика», просто «физика», потом физика и математика. Кроме интересных недр в округе были живописнейшие горы всего в двух километрах, источники с целебными водами, которые били чуть ли не на окраине городка... За двадцать с небольшим лет городок стал интересен и туристам, здоровым совершенно, и туристам, здоровым относительно. Маленький серый Камышинск расцвел, превратившись в место, где провести отпуск было и комфортно, и престижно. Здесь, как говорится, было где жить (достаточно удобно), было где работать, было где учиться. О казенном прошлом напоминали только несколько типовых многоэтажек, успешно превращенных в корпуса университета...

Оформление заняло всего несколько минут. И вот уже новые постояльцы отправились в свои апартаменты класса люкс. Судя по всему, скандальная Элеонора ни на что меньшее согласиться не могла. А ее спокойный муж, должно быть, уже научился пропускать мимо ушей многословные тирады «спутницы жизни».

Во всяком случае, так подумала миловидная женщина в легком костюме, которая наблюдала за поселением странной пары с площадки между первым и вторым этажом. Это была Валя Головина — хозяйка милых апартаментов, обожаемого ею отеля «Вилла “Валентина”».

1

(Почти пять лет назад)

— ...**В**от такое предложение они мне сделали.
— Но как же мы? Девчонки, конечно, уже не грудные... Но я без тебя все это просто не потяну.

— Зато эти бабки помогут нашу «Виллу» поднять за полгода. Я взял авансом оплату за первые два года, прикинь. Уж как там буду жить — ума не приложу.

— Вот и не надо было этого ничего! Сами бы тут, потихоньку! Уж за эти три года точно бы все смогли. Ну или чуть больше...

Игорь нахмурился. Возможно, за три года, ну или за лет пять они бы и правда смогли многое. Но такие черепаший темпы его совершенно не устраивали. Ему надо было все и сразу. И так было всю его жизнь. Во всяком случае, сознательную жизнь. Поэтому и женился сразу после выпуска на первой красавице школы. Дети появились почти сразу — как же иначе было его Валентину к дому привязать?

(Скажем по секрету, Валентину привязывать вовсе и не надо было, она своего Игоря не просто любила — боготворила. А ее обожаемый муж считал, что должен быть единственным, кто принимает решения, а остальные пусть наслаждаются правильностью и разумностью его поступков.)

Правда, были вещи, которые вот так, нахрапом, решить не получалось — учеба в вузе, к примеру. А потом поиски интересной и, главное, денежной работы. Но и тут Игорь старался быть... как бы сказать, не совсем исполнителем. Дети росли, страна менялась, работать «на чужого дядю» Игорю хотелось все меньше. Но чтобы работать на себя и жить так, как он считал «нормальным», нужно было что-то менять. Для начала он поменял работу в проектной фирме на работу в... иных структурах, причем частных. Благо силы позволяли. Правда, об этой перемене жене он не сообщал — да и зачем ей,

курице, знать, чем на новой работе занимается обожаемый супруг. Денег-то поболее, и много «поболее».

Вот только работать не «на дядю» пока не получалось. Да и как в захолустном Камышинске организовать собственный бизнес? По-настоящему серьезный бизнес крутили ну очень серьезные дяди (на службе одного из которых Игорь нынче и состоял). А бизнес мелкий Игоря не интересовал.

Но тут его жена, та самая курица, вдруг принесла интересную идею: открыть отель и, чуть погодя, пристроить к нему оздоровительный центр. Оказалось, даже зданьице уже присмотрела. Одно из заброшенных, от военного городка оставшихся. Да, почти у городской черты, да, по сути, только коробка с дырками окон и дверей. Но недалеко от горячего источника — одного из тех, что славились далеко за пределами городка.

Конечно, это было не то «все и сразу». Но для начала годилось. Опять же, Валентина готова была работать двадцать пять часов в сутки, а от него, кроме одобрения, ничего не требовалось. Ну, почти ничего.

Правда, это «почти» со временем все же превратилось в очень много разного «нужно». Но чутье (удивительно, но у его «курицы» оказалось отличное бизнес-чутье) помогало Валентине шаг за шагом решать многочисленные задачи. Коробка присмотренного здания достаточно быстро превратилась в корпус отеля, потом рядом с первым корпусом появился второй — рельеф Камышинска был мало пригоден для сооружений в стиле хилтонов, но трехэтажные здания на живописных террасах смотрелись очень выигрышно, а садики и куртины с клумбами не требовали колоссальных затрат времени и сил. Но вот когда речь зашла о спа-центре...

Тут уж павильонами и навесами было не отделаться. И денег, которые приносила новорожденная «Вилла “Валентина”», уже не хватало. Нужно было искать какой-то выход... И он нашелся, причем сам по себе — Игорю предложили три года поработать вдали от родины. Очень далеко, если честно, аж на самом юге Африки. Он примерно догадывался, чем именно будет заниматься, но жене все-таки решил ничего не рассказывать. Отделался сказочкой о том, что завербовался в строители. Да и деньги, которые взял авансом, были

вовсе не «за два года вперед». Но его жена не обязана была знать все. Уж пусть радуется тому, что есть.

Но Валя вовсе этим деньгам не обрадовалась. Она очень расстроилась и подобные, изрядно надоевшие разговоры вела чуть ли не каждый день. Игорь уже мечтал как можно скорее убраться из опостылевшего «семейного гнездышка», которое недавно достроил. Хотя дело, конечно, было не в гнездышке, а в слезах, которыми заливалась Валентина.

— ...Да за пять лет мы бы тут ноги протянули! Ты такого напридумывала, что никаких кредитов не хватит! А так уже через год, самое большее, строительство закончишь, люди валом повалят. А там и я приеду.

Дочери тоже расстроились, конечно. Но в доме его слово (во всяком случае, для Киры и Кати) было самым веским. «Папа решил», «папа обещал», «папа велел» — и этого было вполне достаточно, чтобы дети делали именно то, что велел папа, правда, и обещания свои приходилось держать. Но это было не очень трудно. А если папе чего-то делать не хотелось, то появлялись новые «решения» или обещания. Вот, детки, я подумал, что вместо прогулки на лыжах (к примеру) недурно было бы устроить уборку. Маме-то трудно одной, а мы вчетвером справимся «на раз». И девчонки с энтузиазмом принимались за работу.

Как бы то ни было, даже предотъездные полтора месяца наконец истекли. Вместе с какими-то тремя мужиками (как Игорь понял, из других подразделений фирмы его хозяина) он вошел в поезд до столицы, где должен был пересесть в самолет, на котором доберется до Йоханнесбурга.

«Ну слава богу! Пусть покрутятся сами...»

2

И Валя крутилась. Денег мужа, конечно, хватило далеко не на все, но к концу следующего года спа-центр действительно открылся. И, к Валиному удивлению (она-то мечтала о многом, но не уставала удивляться тому, что ее мечты и идеи оказываются такими «земными» и в самом деле приносят прибыль), достаточно быстро стал известен на всю страну. Правда, о целебных источниках в их Камышинске знали и сто лет назад, и пятьдесят лет назад о них писали все бальнеологические и туристические справочники. Но... Никому не приходило в голову вокруг них создать почти настоящий санаторий. Хотя, конечно, о каком санатории могла идти речь в закрытом городке Камышинске?

Как бы то ни было, спа-центр открылся и приносил вполне ощутимый доход. Теперь Валя чувствовала себя настоящей бизнес-леди, тратила на отель и спа немало времени и была почти довольна жизнью. Вот только Игорь пропал.

Хотя сама Валентина предпочитала все же говорить «исчез». Поначалу-то, первый год, и письма писал, правда электронные, и звонил, и даже подарки присылал. Маску страшную африканскую, или друзу аметистов, или удивительный наряд, который купил для нее на базаре. Его матушка, считающая себя дамой великосветской, до сих пор дававшая частные уроки игры на рояле, требовала от Вали отчета о каждом контакте с ее обожаемым Игорьком.

Но прошел год, обожаемый Игорек стал писать от случая к случаю, звонить перестал. Валя-то писала электронные письма. Но муж их даже не открывал. Беспокойство нарастало. И в конце концов Валя решила ехать. К счастью, дочери уже были достаточно взрослыми. Ну, относительно взрослыми. Ехать-то можно, но вот куда? Валя позвонила по секретному телефону, который Игорь ей оставил на самый-самый крайний случай. Начальство супруга трубку взяло, но было лаконичным — никуда ехать не надо, с Игорем все в порядке. А молчит он потому, что так лучше для дела. А потому и ты, девочка, лучше молчи и не поднимай лишнего шума.

Валя и замолчала. Что такое «лучше для дела», она знала очень хорошо. И о подарках, конечно, уже не заикалась. Но Светлана Дмитриевна в это поверить не могла (или не хотела). Валя решила, что врать ей не будет, и честно отвечала, что нет, на этой неделе не писал, нет, и не звонил, нет, я вам не лгу. И, конечно, стала для своей свекрови довольно быстро врагом номер один.

Внучки тоже не спасали — «баба Света» требовала отчета у каждой из них о том, что делала «их ленивая мамаша». И страшно обижалась, когда Катя или Кира (уж кому не повезло подойти к телефону) честно рассказывали, что мама целый день проторчала на работе, приехала домой в десятом часу вся на нервах и что папа опять не звонил и писем не присылал.

Валя пыталась оставаться благовоспитанной, привозить заказанные свекровью продукты и поддерживать в дочерях если не любовь, то хотя бы уважение к бабушке. Получалось, откровенно говоря, не очень. Но Валентина была непреклонна — бабушку надо уважать, о ней надо заботиться, а вот вышучивать ее или над ней посмеиваться нельзя.

Время такая странная штука — не останавливается, что бы мы ни делали и как бы ни старались притормозить. В Камышинске оно, конечно, текло чуть помедленнее, чем в столице, но все же двигалось.

Прошел год, прошел и второй. Валя пригласила на работу давнюю приятельницу своей матери, Эсфирь Лазаревну, великого бухгалтера. Потом еще несколько раз расширяла штат, потом полгода онлайн искала врачей для работы в своем оздоровительном центре, потом нашла... Отель стал предприятием достаточно стабильным, даже доходным. Места теперь заказывали заранее, цены гостей не смущали, бронь присылали охотно. И Валя наконец смогла слегка расслабить спину — машина работала и без ее круглосуточных усилий.

Игорь все еще «работал строителем» в Африке. И Валя, положив руку на сердце, признала, что без него дома уютнее. Девчонки росли спокойными и дружными (порой даже «дружили против» нее или назойливой бабушки), учились не из-под палки. Дом действительно стал домом — здесь можно было отдохнуть, ненадолго спрятаться от суеты. Отель, к счастью, большие беды обходили стороной, да и не станешь же переживать из-за каждого визита пожарной охраны или

санитарного врача. Одним словом, жизнь постепенно вскарабкалась на рельсы и покатила по ним... достаточно легко.

Утро для Вали всегда начиналось не с кофе, а с двух упитанных котов, один из которых квартировал в сарае, а второй — в доме. Причем кот, живущий в сарае, был невероятно пушистым черно-белым интеллигентом Доном Сезаром, а домашний сфинкс — несмотря на родословную, как у египетских царей, — плебеем и лентяем Васяткой.

Дон Сезар приходил на террасу и благородно позволял себя покормить и погладить, а плебей Васятка выпрашивал еду примерно с полуночи и всегда был готов плотно перекусить.

Вот и в это прозрачное майское утро Дон Сезар, откушавши первую порцию, благодарно ткнулся лбом в ладонь Вали и отправился по своим кошачьим делам. Валя выпрямилась. На кухне уже исходил от нетерпения и тоненько жаловался на жизнь изрядно раскормленный Васятка.

— Ну что ты, котик? — вздохнула Валя. — Сейчас девчонок поднимем и будешь есть. Не скандаль...

Васятка младших хозяек, конечно, любил, но не так, как старшую. Он ненадолго замолчал. Ровно на столько, сколько понадобилось Валентине, чтобы войти в спальню дочерей, не очень громко включить любимого Моцарта и, дождавшись сонного «ой, мам, доброе утро», отправиться на кухню.

— Та-а-ак, толстенький, твоя очередь...

Васятка на «толстенького», конечно, обиделся. Но в меру — даже самые обидные слова еще не повод отказываться от завтрака.

Пока кот завтракал, Валя допинала дочерей до умывания, проследила, как девочки надевают удобную для бега обувь, и вместе с полусонными Кирой и Катей все-таки выбежала на велослужбу.

Идея бегать по утрам принадлежала старшей Кире. Но девочка довольно быстро к ней охладела, а вот Вале утренние пробежки пришлись по сердцу. Особенно весной — тепло, птицы поют, зелень изумительно свежая, в парке невероятное спокойствие. Словно на дворе не двадцать первый век, а, самое позднее, первые годы девятнадцатого.

Валя привычно наслаждалась утренним спокойствием и прокручивала в уме дела, которые наметила на сегодня. Больше всего она любила четверг и пятницу. О пятнице, конечно, можно ничего не

рассказывать, ее любят все. А вот четверг был любим Валентиной потому, что часам к пяти вечера все беды превращались в легкие и, что гораздо важнее, прошедшие неприятности. Словно этот день сам за собой стирал все с доски, как в конце урока в школе стирались все глупости, задачки и домашние задания на завтра.

Катя, младшая, тоже любила утренние пробежки. И дело здесь было не в здоровье или в редких минутах вместе с мамой и сестрой. Девочка обожала животных и по дороге в парк (да и в самом парке, если честно) подкармливала всех, кого видела. Особой ее любовью пользовалась Альма — огромный алабай парковой охраны. Несмотря на изрядный рост, собака была чрезвычайно добродушной, встречала Катю широкой улыбкой (при которой всякий желающий мог полюбоваться на роскошные зубы собачьей пасти) и провожала почти до пруда. Там она получала какое-нибудь лакомство из рук девушки и возвращалась на свой пост. Нельзя сказать, чтобы охранники животное так уж плохо кормили, но точно не приносили ей домашних котлет или кусочек нежной куриной грудки.

— Катерина, — Валя привычно нахмурилась, — опять ты целуешься со всей живностью в округе...

— Ма-а-ам, — девушка ответила так же привычно, — они такие хорошие. И потом я их просто кормлю, а целуюсь я только с Васяткой...

— И с ним можно было бы не обниматься, — пробурчала Валя.

Не то чтобы она была недовольна тем, что дочь хорошо относится к животным. Это любой нормальный человек назвал бы скорее положительной чертой. Плохо (с точки зрения Вали) было другое — Катя обожала всех живых существ. И видела свое предназначение именно в том, чтобы ухаживать за ними и облегчать их страдания. Говоря проще, девочка собиралась поступить в колледж и учиться на ветеринара. И вот это Валу буквально бесило. Ни денег, ни уважения, с ее точки зрения, такая работа принести не могла. Да, это благородно, да, гуманно. Но пусть этим занимается кто-то другой. А ее дочь окончит университет и станет, к примеру, переводчиком или математиком-аналитиком. На худой конец, факультет международного туризма тоже звучит вполне престижно. А международный туризм — занятие для девушки куда более... достойное, чем труд ветеринара.

Споры Кати с матерью о предназначении длились уже третий год. Правда, ни одной из спорящих сторон не удавалось переубедить другую. Валя надеялась, что дочери будет достаточно маминого слова. Но (тут обычно Валя тяжело вздыхала) Катя была настолько упряма и уверена в своей правоте, что часто споры заканчивались просто ссорой.

— Ты сделаешь так, как я велю, — холодно говорила Валя, ударяя ладонью по столу.

— И не подумая. — Катя выскакивала из комнаты, не забывая изо всех сил хлопнуть дверь.

Сегодня все было, в общем, как обычно — Кира почти сразу «сошла с дистанции», остановившись у пруда, Катя в компании алабая почти добежала до выхода из парка и там на пеньке сервировала собаке завтрак. Валя привычно скользила взглядом по клумбам и аллеям. Наступал четверг, забот было предостаточно. Но ей почему-то казалось, что сегодняшний четверг будет сильно отличаться от всех прочих прожитых ею четвергов.

Должно быть, если бы она подняла глаза хотя бы к верхушкам деревьев, ее уверенность значительно бы окрепла. Но Валя на небо не смотрела, не разглядывала она и горы в утренней дымке — просто мысленно раскрыла ежедневник и пересматривала список сегодняшних дел.

Хотя, даже если бы Валентина внимательно изучила горы, она бы все равно не заметила там ничего необычного. Домики у заросшего лесом края ущелья щурились на утреннее солнце, ярко-синее небо отражалось в до блеска отмытых стеклах, где-то среди деревьев (Валя знала это) тихонько журчал ручей. Прекрасная, почти идиллическая картина. Ничего страшного, даже мало-мальски серьезного. Ничего из того, что способно изменить жизнь самым непредсказуемым образом.

— ... Так, и еще здесь.

Валя послушно подписала толстую пачку платежей, мысленно удивляясь, что на дворе уже двадцать первый век, но оригиналы документов все равно приходится хранить, подписывать, отвозить в банк и инспекции всех уровней.

— Вот и все, спасибо, Валентина Сергеевна.

— Вам спасибо, Галина.

Второй бухгалтер бесшумно закрыла за собой дверь. То, что в отеле работали уже даже не два, а три бухгалтера, с точки зрения Вали было показателем успешного и развивающегося бизнеса. Эсфирь давно стала не просто главбухом, а исполнительным директором по штатному расписанию и правой рукой самой хозяйки. Два других бухгалтера вели дела настолько аккуратно, что даже у придирчивой Вали вопросов не вызывали. Впрочем, все коллеги были для Валентины чем-то вроде второй семьи. Им она доверяла не просто, но полностью. Хотя (тут Валя бы вздохнула) иногда все-таки случались и проколы. Вот как вчера, когда она попыталась пристыдить Танечку, которая убирала на первом этаже.

Танечка была человеком хорошим, честным и глубоко порядочным. Валентина позвала ее на работу, узнав, что Танин муж бросил ее одну с двумя пацанами и совершенно без средств к существованию. Уборщица, конечно, не ахти какая карьера, но все-таки возможность заработать денежку, пусть и не огромную. Таня с благодарностью приняла приглашение, работала усердно, но... Похоже, даже для такого труда нужно своего рода призвание — после ее смены в каждом номере оставалась то полная мусорная корзина, то скверно протертое зеркало, то сырые полотенца, которые Таня просто забывала сменить на свежие.

Сегодня была Танина смена. Валентина разбиралась с документами и краем уха слышала в холле разгорающийся скандал. Причем Татьяна отвечала все громче, а голоса Эсфири Валя почти не слышала. Это было очень скверно — значит, ее «правая рука» необыкновенно

рассержена и для Тани скандал, к сожалению не первый, может закончиться совсем плохо.

— Да что я тут, пахать как лошадь должна? — донеслось из холла.

Голоса исполнительного директора Валя не услышала. Значит, пора вмешаться. Валентина вышла в холл и увидела, что вмешаться надо было бы минут на пять раньше: щеки Татьяны покраснелись, форменный передник она уже скомкала в не очень чистый комок. Благородный профиль Эсфири Лазаревны казался белым как мрамор, батистовый платочек с монограммой она почти разорвала. «Ох-х, девочки, что у нас еще случилось?»

Ответа, конечно, Валентина не услышала. Надо было быстренько разбираться и с Таней, и с тем, к чему в этот раз может привести ее рассеянность.

Валины каблуки простучали одиннадцать ступенек вниз в холл и еще шагов с десять до «очага возгорания». Таня уже была красная как рак, а Эсфирь — бледная как смерть.

— Что случилось, коллеги? Эсфирь Лазаревна, вам дурно?

Сказать по правде, Валю сейчас куда больше заботила Татьяна — и работы у нее нет другой, и здесь оставлять ее нельзя, и... И не человечески это, вот хоть сто раз ты начальник и владелец бизнеса.

— Нет, друг мой. — Эсфирь не то чтобы была старомодна, но любила вот такие обороты и вообще стиль «серебряного века» очень уважала. — Все в порядке. Танечка... Ох, Танечкина смена не очень хорошо закончилась. Вот теперь пытаюсь понять, что нам с девочкой делать.

Татьяна усмехнулась. Правда, злой румянец уже почти сошел с лица, но глаза еще всюю метали молнии.

— А давайте меня расстреляем, а?

Эсфирь промолчала, а Валентина сухо усмехнулась. Решение надо было принимать как можно скорее. Валя перевела взгляд за окно — под ярким майским солнцем горели всеми оттенками красного роскошные розовые клумбы. Валя цветы, в общем, любила, но... как бы сказать, отстраненно. А вот Татьяна, да-да, эта самая Татьяна, могла с землей, прививками, отростками и всем прочим возиться просто сутками.

Эсфирь подняла глаза на свою хозяйку, а потом попыталась понять, куда та смотрит. Взгляд ее задержался на клумбах на пару секунд, а

потом она взглянула на Валю.

— Не будем мы тебя расстреливать, Танюха... — задумчиво пробормотала Валя. — Наоборот, переведем на другую должность и, думаю, даже копеечку прибавим к зарплате.

Вот теперь Таня перепугалась по-настоящему. На какую должность можно было перевести неудачливую и, что греха таить, не очень усердную горничную, она представить не могла. А вот Эсфирь, давненько с Валею сотрудничавшая, похоже, уже все «просчитала». И Валино решение сразу оценила как разумное и выгодное. Садовник-то очень был нужен — вокруг отеля был разбит почти настоящий сад, во всяком случае, два десятка клумб тянулись вдоль дорожки от «Виллы» к спа-центру. В проектах значился и зимний сад, за которым предстоит еще какой уход! (Источники-то из-под земли били теплые, сам бог велел устроить что-то тропическое, пусть и под крышей.)

— Придется все-таки оформлять на испытательный срок, Валечка, — заметила Эсфирь.

Валентина кивнула — она принципиально не опускалась до неофициального оформления, платила все налоги и все оформляла «по-белому». Сначала это всех изумляло, инспекции отель почти не покидали. И каждая проверка только подтверждала, что подобная линия, в общем, себя оправдывает: быть честным предпринимателем оказалось выгодно. Во всяком случае, достаточно спокойно.

— Обязательно....

— Да куда вы меня переводите? В кочегары? В дворники? А вдруг я не соглашусь? — Татьяна не то чтобы сильно нервничала, но сердце у нее точно было, что называется, не на месте.

— Не в кочегары, конечно. Я предлагаю тебе должность главного садовника «Виллы».

В голосе Валентины звучала улыбка. И только сейчас Татьяна поняла, что никто не пытается над ней глупо шутить. Если говорить совсем честно, Таня и сама не прочь была бы попроситься из горничных на какую-нибудь другую работу. Вот только не знала, на какую, а о том, что отелю нужен садовник, она и вовсе не догадывалась.

— ...Так что давай, снимай передник. Приступай завтра. Только график тебе придется самой придумывать.

Да. Это было совершенно всерьез. И только теперь на глазах уже бывшей горничной показались слезы. Она хотела что-то сказать, но Валентина ее опередила:

— И обязательно составь список того, что тебе надо, — шланги там всякие, перчатки, грабли. Ну, что сейчас модно у ландшафтных дизайнеров...

Татьяна несколько раз кивнула, пока, в общем, не очень веря всему, что произошло. Главное, что ее не выкинули с работы. А уж остальное... Да и возиться с цветами она не просто любила — обожала. Только муженек ее бывший все это называл глупостью и занятием для полных дур...

Валентина тем временем повернулась к помощнице и взглядом показала, что ждет ее у себя в кабинете. Судя по всему, скандал с Татьяной разгорелся не на пустом месте. А значит, надо принимать еще какие-то меры.

«Ох, непростая ты, работа директорская...» — с улыбкой подумала Валя. Наверное, ее улыбка стала бы и шире, и язвительнее, если бы она могла предвидеть все, что последует дальше.

4

— Так, а теперь рассказывайте, Эсфирь Лазаревна. Только все, что произошло. Без ваших этих «душенька, да мы уже разобрались».

Первая помощница и самый давний друг Валентины тяжело вздохнула. На самом-то деле Эсфирь была старинной лучшей подругой Валиной мамы. А когда мамы не стало, принялась опекать Валю, уже взрослую и замужнюю даму. Опекать именно так, как опекала бы настоящая мать. Валины дочери над ней чуть посмеивались, но так, как обычно подшучивают над обожаемой, хотя и чуточку старомодной бабушкой.

— Ты права, Валюша, разбираться там еще и разбираться. Танечка, увы, как обычно...

— Да что произошло-то? — спросила Валя.

— Танечка убиралась... Ну, как могла. Вроде даже номер сдала... А тут новый постоялец въехал и такое нашел...

— В номере?

— А где же еще? В номере, конечно, в комодке!

— Труп расчлененный? Оружие, наркотики? Использованный презерватив?

— Ну вот ты все шутишь, а мне было не смешно от мальчишки выслушивать нотации и какие-то идиотские советы о том, как нанимать персонал да как строго с него спрашивать. Этот столичный хлыщ даже начал мне советовать какие-то фирмы по подбору кадров, представь!

Валя усмехнулась — постояльцев за годы работы «Виллы» она повидала немало. И странных было ровно столько же, сколько внешне самых обычных. Или, может быть, даже больше. Уж и историй она наслушалась, а сколько раз успокаивала и уговаривала, мирила и утешала... В общем, на карьере модного психотерапевта не всегда столько приходится. Она даже подумывала пригласить какого-нибудь психолога и устроить нечто вроде кабинета психологической разгрузки

в спа. Но пока руки не дошли. «Да, мамочка права была — мои идеи могут разрушить даже самый прибыльный бизнес...»

— Так что нашлось-то?

Эсфирь понизила голос и сделала очень большие глаза:

— Грязный носок!

Валя улыбнулась широко и спокойно. Носок, даже грязный, это неприятно, но куда лучше, чем использованный презерватив.

— Один? И что — в комодке, на самом виду валялся один носок?

— Ну-у, не совсем.

— То есть?

— В комодке-то да. Но не валялся, и не на самом виду. Он нашелся...

— Что значит «нашелся»?

Эсфирь опустила глаза и заговорила совсем тихо:

— Наверное, он завалился или просто упал. В общем, наш гость не смог плотно закрыть ящик комодки, а потом полез и там, на дне, у задней стенки и нашел эту гадость...

«И если бы наш гость не был настолько педантичным, носок бы провалялся еще невесть сколько. И, может быть, уже бог знает сколько мешал бы не одному этому гостю...»

Валентина и сама была педантом. Но таких мелочных очень не любила. Считала, что даже истый перфекционизм хорош до определенного предела.

Было ясно, что ситуацию придется разруливать именно ей, Валентине. Раз уж Эсфирь так виновато опускает глаза.

— Ну что ж. Пойду-ка я поболтаю с этим эстетом. Ишь ты, чужие носки его оскорбляют!

Валентина вышла из кабинета, услышав, как за спиной помощница тихонько хихикнула. Ну что ж, пусть хихикает. Лишь бы не эта аристократическая бледность, пугающая всякого, кто понимает, что может последовать...

Номер «Семнадцать — три» был на третьем этаже главного, третьего корпуса. Как уже говорилось, отель состоял из трех корпусов, каждый из которых располагался на своей террасе. Третий высился над двумя остальными. Почти все окна корпуса были обращены на город, лежавший вдоль узкой и быстрой Камышинки. Окна гостевых номеров, конечно. А административные службы были расположены

так, чтобы любоваться, с позволения сказать, близкими склонами, красивыми только пару-тройку дней в году, ранней осенью. Конечно, особо-то смотреть в окно было некогда — отель, как известно, отнюдь не пустовал в любое время года. Тут бы голову поднять к концу рабочего дня.

Весь третий этаж был отдан номерам люкс — просторные комнаты с высокими потолками. Угловые номера были по-настоящему роскошны: с каминами, кабинетами. Там можно было бы жить годами. Хотя, конечно, удовольствие это было отнюдь не дешевым и нести такие расходы могли позволить себе только крупные фирмы. Ну или банки. Или принц инкогнито.

Валя постучала в темно-вишневую дверь. Из номера донеслось что-то вроде «можно».

— Простите, пожалуйста... — заговорила хозяйка отеля, не успев толком войти в номер. — Я от лица администрации прошу прощения за этот инцидент. Если желаете, мы можем перевести вас в другой номер...

Но скандальный гость молчал. Высокий привлекательный мужчина примерно одних с Валентиной лет смотрел на владелицу «Виллы» не мигая. Валя, не услышав никакого ответа, тоже замолчала.

— Валюшенька, это ты? — наконец выдохнул скандальный гость.

Валентина наконец смогла его рассмотреть.

— Сашка? — ахнула Валя. — Сашка Волошин?

— Господи, конечно. Ты все-таки узнала меня...

— Узнала... Как ты изменился!

Скандальный гость и впрямь был одних лет с Валею. Более того, Сашка был ее одноклассником, самым талантливым из класса и самым «гадким утенком». Его не смог исправить даже отлично сшитый выпускной костюм. А сейчас перед Валею был мужчина с великолепной фигурой, ухоженной кожей, одетый с дорогой небрежностью.

— Так это твоя гостиница?

— Да, — кивнула Валя. — Наша с Игорем.

И с удовольствием отметила, как поскуучнел Александр. Девчонки шептались, что Сашка по ней сохнет чуть ли не с шестого класса. Но с Игорем ему было тягаться не по силам. Тогда.

«Эх, если бы ты на выпускном выглядел как сейчас, уж точно не Игорек был бы моим мужем...» — усмехнулась мысленно Валентина.

— Да забудь ты об этом носке, господи, делов-то! Чего не бывает. Я и сам начальник, отлично все понимаю. Валь, а давай где-нибудь поужинаем? Поболтаем, погуляем...

«Да будь что будет! Я за последние пять лет и выходила-то всего раз — на выпускной Кирюшки. Пусть хоть весь Камышинск сплетнями изойдет. Ну могу же я себе позволить провести вечер с приятным кавалером, тем более что он мой одноклассник!»

— Давай, конечно, Саш!

— Вот и договорились! Я зайду к тебе... когда? В семь? Восемь?

— Давай в восемь. Мой кабинет...

Александр засмеялся:

— Да уж найду я как-нибудь кабинет директора, Валечка!

Валентина сделала шаг к двери:

— Так что, до вечера?

— А поцеловать себя разрешишь? — вдруг странным голосом спросил Александр.

— Конечно, — Валя безразлично пожала плечами.

Александр сделал два больших шага, осторожно взял двумя руками ее руку и нежно поцеловал пальцы. А потом так же осторожно прикоснулся губами к Валиной щеке. Валентина вздрогнула — в этом легком движении было столько обещаний. Столько давнего чувства, столько непривычных, давно забытых ощущений...

— До вечера, Сашка!

— До вечера, — ответил «скандальный гость».

Четверг, начавшийся как обычно, вдруг стал совершенно необыкновенным. И Валя была этому ужасно рада.

— Ну что, Валечка? Что для этого гостя сделать, чтобы он успокоился?

Валя мечтательно улыбнулась:

— Ничего не надо делать. Он не сердится ни капельки...

Эсфирь Лазаревна всплеснула руками:

— Как тебе это удалось? Ты, наверное, волшебница?

Скажем прямо, Вале почти всегда удавалось гасить конфликты, что называется, в зародыше. Хотя она никакой волшебницей не была. Просто годы общения со свекровью, дамой более чем своеобразного характера, и матушкой свекрови, бабушкой мужа, дожившей до очень уважаемых девяноста двух лет, закалили ее необыкновенно. И заодно подарили (к этому самому закаленному терпению) еще и с десяток-другой фраз, которые могли успокоить кого угодно.

— Знаешь, мамуль, — как-то заметила Катюша, — ты бы и тигра уговорила успокоиться...

Тогда Валя усмехнулась:

— Но вот тебя укротить пока не получается почему-то...

— Но я же твоя дочь, — Катя пожалала плечами так, словно это было исчерпывающее объяснение.

— Никакая я не волшебница... — вернувшись из размышлений в день сегодняшней, ответила Валя. — Просто так получилось.

Валин день покотился своим чередом. До вечера надо было еще столько всего сделать...

Примерно в тот же момент, когда Валя избавилась от плохой горничной, но приобрела хорошего садовника, на автовокзале Камышинска появился междугородный «Мерседес», напоминающий скорее огромного жука, чем автобус. Двери открылись, и на разогретый асфальт ступил невероятно загорелый мужчина неопределенно-молодого возраста. Он огляделся, поправил плетеный кожаный браслет, подхватил полупустую сумку и неторопливо зашагал по изрядно потертой брусчатке. Он шел по улочкам и улыбался всему, что видел. Похоже, все вокруг было ему хорошо знакомо, хотя в городе

он не был достаточно давно. Мужчина то усмехался, читая название узенькой улочки, которая ступенями поднималась на вершину холма, то покачивал головой, разглядывая официантов, хлопотавших под полосатыми тентами только что открывшегося кафе.

Минут через двадцать он толкнул низкую калитку в заросшем виноградом заборе и, пригнувшись, вошел во двор. Когда-то здесь все было ухожено, аккуратные дорожки и клумбы, сформованные кроны деревьев и пяточок огородика. Сейчас все заросло какими-то кустами, исчезли и клумбы, и огородик. Только старые яблони остались такими же, как долгих пять лет назад.

— Ну хоть что-то в этой жизни не меняется... — пробормотал загорелый мужчина.

Дверь на веранду была открыта, четыре с половиной ступеньки знакомо проскрипели давно забытую мелодию.

— Я приехал!

Но ничего не изменилось — в глубине дома никто не заохал, не запричитал «наконец!» или «как мы тебя ждали!». Через пару секунд хлопнула дверца холодильника, потом послышалось журчание воды, и только потом капризный женский голос осведомился:

— Сынок, это ты?

— Господи, мама, ну кто еще это может быть?

Дама с затейливо растрепанными волосами в роскошном атласном халате с вышитыми драконами, держа в руках бокал, неторопливо выплыла на веранду.

— Это может быть кто угодно. Камышинск просто проходной двор, а не город... Я тебя ждала только к вечеру.

Мужчина опустил сумку на пол и стащил через голову изрядно пропотевшую тенниску. Дама с некоторым недоумением посмотрела на сына.

— Что это у тебя за гадость? — она брезгливо указала на немаленькую татуировку, изображавшую то ли дракона, то ли орла, которая тянулась по всей груди от одного плеча до другого.

— А как ты думаешь, мама, что это?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ